

И в последующие годы не без труда решались спорные вопросы с правительствами соседних с СССР государств — Польшей и Румынией. В последнем случае речь шла о судьбе Бессарабии, территория которой была захвачена румынами в итоге первой мировой войны (до этого она входила в состав России).

Нежелание Румынии вернуть Советскому Союзу эту область не позволяла заключить пакт о ненападении между граничащими с СССР государствами и Советским Союзом.

26 июня 1932 г. Молотов, Каганович, Ворошилов и Орджоникидзе сообщали Сталину в Сочи: «Залесский в Женеве сообщил на днях Литвинову, что Титулеску готов возобновить переговоры о советско-румынском пакте. Залесский вручил согласованный им с Титулеску проект пакта. В нем, в отличие от берлинской формулировки Залесского нет оговорки о том, что спорные между СССР и Румынией вопросы не затрагиваются настоящим пактом. Литвинов заметил от себя, что несогласие Румынии упомянуть о наличии спорных вопросов помешает заключению пакта и что Польше в таком случае придется подписывать пакт без Румынии.

Залесский промолчал, но затем заявил о неприемлемости для него такой перспективы. По ряду имеющихся информации Польша готова ратифицировать пакт одновременно с Прибалтикой, без Румынии. «Полагаем, — сообщалось в письме, — что формулировка Залесского — Титулеску неприемлема, и что в вопросе о Бессарабии надо остаться на прежней позиции».

Сталин 27 июня выразил с этим согласие¹.

О последующей судьбе этих предложений можно почерпнуть сведения в многотомном издании «Документы внешней политики СССР».

к) СССР и Франция

Связи России с Францией имеют многовековую историю. Они носили многоплановый характер, значительное место занимали и экономические отношения. При этом размер вложенного французского капитала в экономику дореволюцион-

¹ Там же. Д. 77. Л. 104. Автограф Сталина — Л. 102. А. Залесский — министр иностранных дел Польши. Н. Титулеску — министр иностранных дел, постоянный представитель Румынии в Лиге наций.

ной России значительно превышал соответствующие показатели других иностранных держав. Поэтому представители этого капитала пострадали больше, чем их собратья из других стран, в результате национализации, осуществленной после Октябрьской революции. Советская Россия не вернула долги, взятые до революции. Это в свою очередь привело к тому, что правящие круги и представители капитала Франции имели больше претензий к руководству нашей страны, а как следствие этого — дольше других стран не хотели признавать новое советское государство. Советское правительство в свою очередь требовало возмещения убытков, образовавшихся в результате участия Франции в интервенции в период гражданской войны в России.

Вопрос о взаимоотношениях с Францией неоднократно рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК партии, в том числе 3 июня 1924 г. Было поручено А.И. Рыкову и Г.В. Чичерину «составить проект интервью т. Рыкова о нашей политике по отношению к Франции на основе происшедшего на заседании обмена мнений...»¹.

Вскоре произошло падение правительства Р. Пуанкаре, которое проводило в отношении СССР резко негативную политику. К власти пришло правительство радикал-социалиста Эдуарда Эррио, которое признало Советский Союз. Об этом Эррио сообщил в Москву 28 октября 1924 г. Взаимоотношения двух стран улучшились.

Активизировались переговоры о получении французскими предпринимателями нефтяной концессии в СССР. Но в апреле 1925 г. Эррио подал в отставку и во главе правительства стал П. Пенлеве.

Сталин следил за ходом переговоров. Находясь в Сочи, он 17 июля 1925 г. запрашивал своего помощника Л.З. Мехлиса: «Что слышно из Франции, как идут переговоры?»².

В 1926 г. Р. Пуанкаре снова возглавил французское правительство и оставался на этом посту до 1929 г.

Документы архива Сталина ведут нас сразу к 1931 г. Помощник генсека А.Н. Поскребышев переслал ему шифровку

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 441. Л. 2.

² Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 68. Л. 7.

полпреда СССР в Париже от 9 августа 1931 г. В ней говорилось, что парафирование договора Франции с СССР состоится 10 августа. Полпред спрашивал, будет ли это опубликовано в советской прессе. Вместе с тем он сообщал, что собирается отправиться в отпуск¹. Однако между парафированием и подписанием пакта о ненападении была — по вине французского правительства — немалая дистанция по времени.

В записке Сталина и Молотова от 16 августа 1932 г., адресованной в ЦК Кагановичу, были затронуты некоторые вопросы внешней политики СССР (другой вопрос — о тезисах ИККИ — мы рассмотрели в соответствующем разделе). Они писали: «2. По вопросу о Франции и Румынии предлагаем запросить мнение Литвинова и только после этого решить вопрос. Если найдете нужным запросить нас, пришлите предварительно мнение Литвинова»².

В данной части записки показаны, кроме всего прочего, глубокое уважение и обязательный учет мнения наркома по иностранным делам СССР.

17 августа 1932 г. Каганович и Куйбышев направили отдохавшим вместе Сталину и Молотову шифровку следующего содержания: «Сегодня вместе с Литвиновым обсудили и наметили следующее постановление: “Поручить тов. Довгалевскому дать следующий ответ французам: 1) В случае согласия Франции на подписание франко-советского пакта о ненападении, предложенные ими новые поправки к пакту препятствием не явятся. 2) Тов. Литвинов уже в Женеве заявил посредничавшим полякам и французам, что не возражает против перенесения упоминания советско-румынских споров из самого пакта в заключительный протокол. Предложение г-на Леже может поэтому оказаться базой для соглашения. Довгалевский поэтому изъявляет согласие встретиться с г-ном Титулеско (надо Титулеску. — С.Х.) немедленно для достижения окончательного соглашения. Поручить тов. Литвинову дать тов. Довгалевскому инструкцию для переговоров с Титулеско.

Просим сообщить ваше мнение».

¹ Там же. Д. 76. Л. 2. Полпредом СССР во Франции был в то время В.П. Потемкин. Речь шла о парафировании пакта о ненападении.

² Там же. Д. 78. Л. 17. Автограф — Л. 20.

18 августа Сталин и Молотов им ответили: «Согласны»¹.

Пакт о ненападении между СССР и Францией был подписан 29 ноября 1932 г.

Мимо внимания Сталина не проходили контакты советских руководителей с иностранными деятелями.

25 августа 1933 г. генсек направил Молотову, Кагановичу и зам. председателя ОГПУ Ягоде шифровку следующего содержания: «По сведениям Евдокимова, белогвардейцы готовят террористический акт против Эррио в Одессе или других пунктах СССР. По-моему, предположения Евдокимова имеют основание». Сталин предложил ряд мер по предотвращению этого акта и далее отмечал: «Будет скандал, если белогвардейцам удастся осуществить эту хотя бы неудачную попытку покушения на советской территории»².

Молотов и Каганович в тот же день сообщали Сталину, что Эррио должен был прибыть в Москву 6 сентября, когда председатель СНК СССР Молотов будет находиться на отдыхе в Крыму (в Мухалатке). Поскольку Крым входил в маршрут Эррио, Молотов мог бы его принять в Мухалатке³.

На другой день Молотов и Каганович сообщили генсеку, что Ягодой приняты меры по охране Эррио⁴. Однако Сталин не соглашался с предложенным местом встречи. 28 августа он в письме Молотову и Кагановичу сообщал: «Прием Эррио в Крыму могут учесть как интимный, что нежелательно. Лучше принять его в Москве, где вообще бывают приемы на общих основаниях. Против длительного отпуска [Молотова], конечно, не возражаю»⁵.

Молотов сообщил Сталину 31 августа: «Поездку в Крым отложил. Эррио приму в Москве 2-го сентября»⁶.

¹ Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 29. Ответ написан рукой секретаря Сталина — Чечулина. Довгалецкий В.С. — полпред СССР во Франции в 1927—1934 гг. Леже А. — директор кабинета министра иностранных дел Франции.

² Там же. Д. 80. Л. 24. *Автограф* — Л. 25—25 об. Евдокимов — отв. сотрудник ОГПУ. Э. Эррио в 1932 г. был премьер-министром Франции, в 1934—1936 гг. — государственным министром.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ Там же. Л. 47. *Автограф*.

⁶ Там же. Л. 62.

Генсек проявил в данном случае присущую ему настойчивость и дипломатическую осторожность.

Получало новые импульсы военное сотрудничество СССР с Францией, и в этой области последнее слово принадлежало Сталину.

В сентябре 1933 г. в Москву прибыл министр авиации французского правительства Пьер Кот. Об этом визите Каганович сообщал Сталину и Ворошилову 19 сентября: «...Сегодня в 11 час. утра Тухачевского посетили Пьер Кот и генерал Баррес. Пьер Кот заявил, что две страны в мире не хотят войны — это СССР и Франция и что поэтому эти страны могут безбоязненно знакомить друг друга со своими достижениями и что он имеет предложение установить более постоянное и тесное сотрудничество между французской и советской авиацией. Конкретно: в области производства — посылка наших инженеров для изучения французской авиационной промышленности или приглашение к нам в промышленность французских инженеров или то и другое. Кроме того, Пьер Кот предложил посылку наших командиров для французских авиационных частей и для прохождения французских авиационных школ.

Пьер Кот интересовался, в каких формах представляется Тухачевскому сотрудничество. Тухачевский определенного ответа ему не дал, пообещав доложить правительству. ...Мы считали бы целесообразным — пишет далее Каганович, — дать положительный ответ»¹.

Сталин ответил 20 сентября: «Французы лезут к нам для разведки. Наша авиация интересуется их потому, что она у нас хорошо поставлена, и мы сильны в этой области. Авиационное сотрудничество приемлемо, но его надо обусловить сотрудничеством по строительству военно-морских кораблей, особенно по подлодкам, миноносцам, где мы несколько слабы. Французам надо ответить так: первое, так как они уже посетили некоторые наши авиапредприятия, разрешить нашим инженерам и командирам ознакомиться на месте с французскими авиапредприятиями, а потом можно будет допустить к нам французских инженеров; второе, разрешить теперь же нашим инже-

¹ Там же. Д. 81. Л. 24. М.Н. Тухачевский в то время был зам. наркома по военно-морским делам и председателя Реввоенсовета СССР, начальником вооружений РККА.

нерам и морским командирам ознакомиться на месте с французскими предприятиями по строительству морских кораблей и оборудования к ним. Если французы не согласятся, дать им вежливый, но прозрачный намек, что без последнего условия сотрудничество с ними считаем невозможным.

Сталин»¹.

Итак, снова и снова генсек разошелся во мнении и предложениях с Л.М. Кагановичем. Позиция генсека, как видим, была более продуманной и конструктивной, в интересах нашего государства.

Сталин активно поддерживал линию на привлечение иностранных инвестиций в советскую экономику, на получение кредитов от зарубежных банков.

Так, генсек поддержал предложение Кагановича и Молотова, направленное ему 21 октября 1935 г., о предоставлении СССР 5-летнего кредита в 1 млрд франков под 6% годовых без затрагивания в соглашении проблемы старых долгов. О согласии на это французского правительства сообщал французский министр торговли Ж. Бонне. В поддержку этого предложения высказались НКВД и лично нарком Литвинов, наш полпред во Франции В.П. Потемкин, зам. наркома Н.Н. Крестинский. И лишь наркомат внешней торговли во главе с Розенгольцем высказался против, объясняя свою позицию тем, что кредит предложили второстепенные банки. В тот же день Сталин выразил свое согласие. Мнение Розенгольца было проигнорировано².

Итак, мы завершили обзор документов, касающихся международных аспектов деятельности генерального секретаря ЦК РКП(б)—ВКП(б) в указанный период. Мы можем без сомнений и колебаний констатировать позитивную роль И.В. Сталина в развитии связей Советского Союза с внешним миром, в укреплении международного сотрудничества и международного авторитета СССР.

Что касается внутренней политики СССР, то соответствующие разделы данного труда дают возможность объективно оценить роль первого лица в ее разработке и осуществлении со всеми ее плюсами и минусами. Думается, что плюсы берут верх над минусами.

¹ Там же. Л. 22—23. *Автограф*.

² Там же. Д. 92. Л. 4—6, 13—14, 20—21.